

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

ОДНО РЕШЕНИЕ.
ПЯТЬ ПРАВИЛ.
ПОЛТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ВПЕРЕД.

АИ, ГОДУНОВ — ВЕРСИЯ 1 —

ЗАПИСКА №247
ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ
2026

ХРАНИТЕЛЬ ПРЕДЕЛОВ
СВЯЗЬ ОТСУТСТВУЕТ

ОПЕРАЦИЯ
ЗЕРКАЛО
ПРИВИВКА БОЛИ

Желько Максимович

АИ, Годунов версия 1

<https://litres.ru/74297413>

SelfPub; 2026

Аннотация

Октябрь 1600 года. Борис Годунов стоит на краю гибели: три неурожайных года, пустая казна, боярские заговоры, польский самозванец у границ. В стандартной истории он умрёт через пять лет, его сын будет убит, а Россия рухнет в пятнадцатилетнюю Смуту. Но этой ночью в Кремль входит человек без имени и звания — бывший монах и толмач Иона, ученик легендарного Джона Ди. Он приносит не пророчество, а метод.

В 2026 году, главный геостратег Евразийского Союза Михаил Шаховской пишет аналитическую записку 247. Созданная Годуновым цивилизация — без крепостного права, без революций, без катастрофических надрывов — впервые за четыре столетия стоит перед угрозой распада. Хранитель Пределов, таинственный институт, направлявший российскую геостратегию со времён Ионы, не выходит на связь. Шаховскому предстоит не только найти точку бифуркации, но и ответить на главный вопрос: кем был Иона — гением, путешественником во времени или мифом, который четыреста лет держал империю на плаву?

Желько Максимович АИ, Годунов версия 1

Глава 1. Аналитическая записка № 247

14 ноября 2026 года, 03:17. Антикризисный штаб Евразийского Союза. Уровень: 5-й этаж власти. Горизонт планирования: 50 лет.

От: Главный геостратег Евразийского Союза, действительный статский советник 1-го класса М.М. Шаховской

Кому: Председателю Государева Совета

Гриф: «Ноль» — единственный экземпляр

I. Предварение

Ваше Высокопревосходительство,

Точка бифуркации подтверждена. Расчётная вероятность распада Евразийского пан-региона в текущей конфигурации — шестьдесят семь процентов. Погрешность — плюс-минус четыре десятых, с учётом волатильности азиатского контура. Рекомендация: немедленное превентивное воздействие по протоколу «Годунов-ноль».

Но прежде позвольте напомнить, с чего всё началось. Ибо без понимания первоисточка любые наши действия — лишь суета на песке.

Четыреста двадцать шесть лет назад, в октябре 1600 года по юлианскому счислению, государь Борис Фёдорович Годунов стоял перед выбором, который определил судьбу континента на полтысячелетия вперёд. Три неурожайных года подряд. Польская корона выдвинула самозванца — человека, назвавшегося царевичем Димитрием, чудесно спасшимся от убийц в Угличе. Боярские роды — Шуйские, Романовы, Бельские, Черкасские — ждали его падения с терпением стервятников. Казна истощена до последнего рубля. Армия ненадёжна: стрелецкие полки не получали жалованья восемь месяцев. Английский посол Джон Меррик доносил в Лондон: «Царь Борис окружён врагами и не имеет друзей».

Стандартный сценарий известен каждому кадету Стратегического корпуса — мы изучаем его на втором году обучения под названием «Отрицательный мемориал Смуты». Годунов умирает в апреле 1605 года при невыясненных обстоятельствах — вероятное отравление, хотя официальная историография до сих пор настаивает на апоплексическом ударе. Его сын Фёдор, шестнадцатилетний юноша, подававший блестящие надежды и лично составивший карту Российского

государства, зверски убит вместе с матерью. На престол восходит самозванец. Затем — Василий Шуйский, «боярский царь», избранный кучкой заговорщиков на Лобном месте. Затем — Семибоярщина, открывшая ворота Кремля польскому гарнизону. Затем — пятнадцатилетний хаос: череда самозванцев, шведская интервенция на севере, польская — в центре, татарские набеги с юга. Потеря трети населения: кто от меча, кто от голода, кто от морового поветрия. Смоленск пал. Новгород присягнул шведскому королевичу. Москва — польскому. Россия исчезает с карты Европы как самостоятельный субъект.

И затем — чудо. Точнее, то, что мы в наших учебниках называем чудом, хотя любой геостратег знает: чудес не бывает, бывают неучтённые переменные. Ополчение Минина и Пожарского. Освобождение Москвы в 1612-м. Земский собор 1613 года, избравший Михаила Романова — компромиссную фигуру, устраивавшую всех именно своей слабостью и безликостью. Россия выходит из Смуты с опозданием на поколение, с новой династией, с закрепившимся крепостным правом — стратегической ловушкой на три столетия вперёд, с фатальным отставанием от Европы во всём: в военном деле, в мануфактурах, в науках, в мореплавании. Мы заплатили за Смуту ценой, которую невозможно выразить в цифрах, — ценой упущенного времени, а время, как учит нас геостратегия, есть единственный невозполнимый ресурс.

Этого не случилось.

II. Точка схождения

Реальный Годунов сентября 1600 года сделал иной выбор.

Я не буду пересказывать то, что Вашему Высокопревосходительству известно со школьной скамьи. Но позвольте мне — в порядке напоминания и для ясности последующего анализа — восстановить контур событий так, как они видятся из нашего времени.

Он не стал дожидаться, пока боярские роды сплетут заговор. Не стал тратить остатки казны на подачки черни, бунтующей от голода. Не стал созывать Земский собор, чтобы легитимизировать свою власть перед лицом кризиса — он понимал, что Собор в тех условиях превратится в трибуну для его врагов. Он сделал то, чего не ожидал никто: ни бояре, ни польский король, ни римский папа, ни английский агент.

Он позвал геостратега.

Сама эта фраза требует пояснения для непосвящённых, и я прошу Ваше Высокопревосходительство простить мне краткий экскурс — он необходим для понимания последую-

щего.

Термин «геостратег» в нашем современном значении не существовал в XVII веке. Не существовало и самой дисциплины — по крайней мере, в её эксплицитной форме. Но функция — функция существовала всегда. В каждом серьёзном государстве, в каждой империи, в каждой державе, претендующей на историческую длительность, имелись люди, выполнявшие эту работу. В Китае их называли цэши — «составители планов». В Византии такая должность не имела названия, но мы знаем, что при дворе Юстиниана работала группа из трёх человек, подчинявшаяся напрямую василевсу и не входившая ни в одну официальную иерархию. У арабов эту функцию выполняли отдельные визири при дворе Аббасидов. Венецианский Совет десяти — при всех его недостатках — был первой попыткой институционализировать геостратегическое мышление на Западе.

В России такая традиция тоже существовала — подспудно, тайно, без названия. Её носителями были не бояре и не дьяки, а странные фигуры, появлявшиеся при дворе в критические моменты и исчезавшие, когда надобность проходила. Нечто среднее между юродивым, звездочётом и тайным советником. Именно такого человека — или, возможно, не совсем человека, но об этом позже — призвал Борис Годунов в тревожном сентябре 1600 года.

Звали его — если это вообще было имя, а не должность или титул — Хранитель Пределов. В документах Посольского приказа, рассекреченных лишь в прошлом веке, он фигурирует как «пришлый человек незнаемого чину, государем принятый в Верху». «Верх» на языке московского двора означал личные покои государя. То есть аудиенция была тайной, не протокольной, без свидетелей.

О чём они говорили той ночью — неизвестно. Протокол не вёлся. Но результат нам известен. И результат этот оказался столь значительным, что вся последующая история Евразийского континента пошла по иному пути — по тому самому, в котором мы с вами живём и который сейчас, четырёхста двадцать шесть лет спустя, вновь оказался под угрозой.

III. Мемориал Годунова (фрагмент из стратегического архива, уровень доступа «Ноль»)

Нижеследующий текст реконструирован по обрывочным записям, сохранившимся в личном архиве Бориса Годунова. Записи выполнены скорописью на оборотах расходных книг Казённого приказа. Расшифровка и перевод на современный язык — Стратегический корпус, отдел исторической реконструкции, 1974 год. Аутентичность подтверждена.

Сентябрь, 9-й день, лета 7108-го от Сотворения мира. В
ночь.

Пришёл человек. Не старый, не молодой — возраста не вижу. Глаза светлые, как у северных людей, но говорит чисто, без чужого выговора. Одет по-нашему, но ткань не наша — тонкая, ровная, без швов. Привёл его Афанасий Власьев, голова Посольского приказа, а сам стоит бледный, руки дрожат. Спрашиваю: кто таков? Молчит. Гость говорит: «Зови Хранителем Пределов. Имя моё тебе ничего не скажет, а должность скажет всё».

Сел без приглашения. Глядит на меня и говорит:

«Борис Фёдорович, ты умрёшь через пять лет. Сын твой — через шесть. Династия твоя прервётся. Начнётся пятнадцатилетняя война всех против всех. Поляки возьмут Москву. Шведы — Новгород. Татары выжгут южные земли. Ты знаешь это и без меня. Ты чувствуешь это нутром — потому и не спишь третью неделю. Потому и позвал».

Я молчал. Он продолжал:

«Ты хочешь знать, можно ли этого избежать. Отвечаю: можно. Но цена будет выше, чем ты думаешь. Ты потеряешь не жизнь — ты потеряешь память. Через четыреста лет твоё

имя будут знать только историки. Ты станешь не отцом династии, а точкой ветвления, которую изучают в закрытых академиях. Ты исчезнешь из народной памяти — и это будет твоей платой за то, что Россия не исчезнет из истории».

Я спросил: что нужно делать? Он ответил не сразу. Достал из рукава лист — нет, не бумагу, а что-то прозрачное, гибкое, с начертанными на нём фигурами. Таких не видел никогда. Фигуры двигались. Он сказал: «Это карта того, чего ещё нет. Того, что может быть и чего быть не должно. Смотри».

И я смотрел — и видел.

На этом запись обрывается. Следующие три листа расходной книги вырваны. Оставшийся обрывок содержит лишь одну фразу:

«...и аз, грешный Борис, плакал и молился до заутрени, ибо увидел будущее и ужаснулся, и принял, ибо не для себя — для Земли».

IV. Стратегема первая: сжатие

Восстановим ход событий такой реконструкции, какая возможна при нынешнем уровне наших знаний.

Первое, что сделал Годунов после той ночной беседы, — не поддаётся объяснению в терминах традиционной историографии. Он не усилил репрессии против бояр. Не объявил нового набора в стрельцы. Не попытался договориться с польским королём Сигизмундом. Он сделал нечто прямо противоположное всякой логике выживания, как её понимали современники.

Он начал сжимать государство.

Термин «стратегическое сжатие» вошёл в наш лексикон лишь в XX веке. Но Годунов — или, точнее, Годунов, управляемый Хранителем Пределов, — применил его за триста лет до того, как эта концепция была осознана. Суть стратегии проста и контринтуитивна: когда ресурсов недостаточно для контроля над всей территорией, необходимо добровольно отступить с периферии, чтобы сохранить ядро. Не распылять силы — концентрировать. Не цепляться за дальние остроги и зимовья — отводить гарнизоны, эвакуировать население, оставлять пространство.

Осенью 1600 года началось то, что современники называли «Годуновским отступлением». С южных рубежей — с Дикого поля, с передовых крепостей против крымского хана — были отведены все гарнизоны южнее линии Белгород — Воронеж. Целые города опустели. Население — служилые

люди, казаки, крестьяне — ушло на север, под защиту основных сил. Хан, разумеется, воспринял это как слабость и немедленно выслал разъезды. Разъезды нашли пустые крепости, незасеянные поля, брошенные деревни. Грабить было некого. Зимовать — негде. Ханское войско, лишённое добычи, развернулось и ушло в Крым.

Эта операция высвободила около семи тысяч боеспособных стрельцов и детей боярских — цифра по тем временам колоссальная. Не расплётённые по гарнизонам, а собранные в единый кулак, они стали инструментом, которого у Годунова прежде не было.

Но это было лишь начало.

V. Интерлюдия: взгляд из будущего (1987 год, закрытый семинар Стратегического корпуса)

Стенограмма выступления полковника Е.Р. Воронцовой, ведущего специалиста по темпоральной геостратегии. Гриф «Совершенно секретно». Рассекречено в 2020 году.

«Коллеги, я хочу обратить ваше внимание на один аспект, который обычно упускают из виду. Когда мы говорим о Годунове и его консультанте, мы склонны персонифицировать историю — сводить всё к гениальности одного правителя

или одного советника. Это ошибка. И вот почему.

Сжатие территории осенью 1600 года было бы невозможно без двух предварительных условий. Первое: Годунов уже обладал аппаратом, способным провести такую операцию. Его дьяки, его приказная система, его сеть осведомителей — всё это было создано в годы его правления при Фёдоре Иоанновиче. Без этой бюрократической машины приказ об эвакуации остался бы просто бумагой.

Второе условие важнее: в русском обществе того времени существовала определённая гибкость — назовём её адаптивностью, — которая позволила людям воспринять отступление не как поражение, а как манёвр. Это неочевидно. Для европейских армий того времени отступление почти всегда означало разложение. Для русских — не обязательно. Вспомните столетнюю войну с Крымом: русские отступали, уклонялись от боя, сжигали траву — и в конечном счёте выматывали противника. Это было в культурном коде.

Итак, мы имеем: бюрократический аппарат + культурная адаптивность + внешний советник с неизвестными возможностями. Сумма этих трёх факторов и дала тот результат, который мы наблюдаем. Годунов был не гением — он был оператором, правильно применившим имеющиеся инструменты. Хотя, конечно, без консультанта он бы этих инструмен-

тов не увидел.

Теперь — о самом консультанте. Я знаю, что эта тема считается спорной. Но я обязана её поднять...»

На этом месте стенограмма прерывается — дальнейшие страницы изъяты из архива.

VI. Стратегема вторая: зеркало

Вторая операция Годунова была менее заметной, но, возможно, более важной.

Пока страна сжималась географически, государь начал расширять то, что мы сейчас назвали бы информационной сетью. В ноябре 1600 года Посольский приказ получил невиданное ранее финансирование — деньги, сэкономленные на эвакуированных гарнизонах. Афанасий Власьев, думный дяк и доверенное лицо государя, развернул сеть агентов в Польше, Литве, Швеции, Ливонии, в Крымском ханстве, в землях Войска Донского.

Хранитель Пределов — это известно по косвенным данным — лично инструктировал первых агентов. Чему именно он их учил? Мы не знаем текстов. Но результат говорит сам за себя: в течение зимы 1600-1601 годов Годунов полу-

чал информацию из Кракова, Варшавы, Стокгольма, Бахчисарая и даже из Стамбула с быстротой, невозможной для того времени. Донесения приходили через десять-двенадцать дней — вдвое, втрое быстрее, чем обычно. Как это было организовано? Вероятно, система подставных лошадей, тайных станций, возможно — сигнальных вышек. Но точного ответа у нас нет до сих пор.

Именно эта сеть позволила Годунову в феврале 1601 года получить решающее донесение: Сигизмунд III, король польский, не верит в успех самозванца. Точнее — верит, но не хочет ввязываться открыто. Война с Швецией отвлекает его силы. Сейм не даст денег на московскую авантюру. Самозванец располагает лишь частными отрядами магнатов Мнишеков и Вишневецких. Сила эта — не более трёх тысяч сабель, плохо обученных, без артиллерии, без обоза.

Получив эти сведения, Годунов мог действовать уже не вслепую.

VII. Видение первое: колодец зеркал

Март 1601 года. Ночь. Москва. Кремль. Личные покои государя.

Борис Фёдорович не спит. Свеча оплыла — которую уже

за ночь? Он сидит за столом, разложив перед собой карты и донесения. В донесениях — имена, суммы, дислокации отрядов. Но он смотрит не на них. Он смотрит в стену, и стена отвечает ему темнотой.

Хранитель Пределов сидит напротив. Он всегда приходит ночью — днём его не видят. Он не ест, не пьёт, или, по крайней мере, никто не видел его за едой и питьём. Дворня шепчется: колдун, звездочёт, может быть — ангел, может быть — бес. Государь велел не слушать шептунов, а ловить и бить батогами. Шептуны умолкли, но шептаться не перестали.

«Ты боишься, Борис Фёдорович, — говорит Хранитель. Голос у него ровный, без интонаций, но и без холода. Так говорит человек, который видел столько, что удивляться разучился. — Ты боишься, что твои бояре ударят в спину, когда ты выступишь против самозванца. Это разумный страх. Но я скажу тебе то, чего нет в твоих донесениях».

Он протягивает руку — и на стене, там, где только что была тень, возникает изображение. Борис Фёдорович вздрагивает, крестится. Изображение движется: он видит палаты Василия Шуйского. Видит самого Шуйского — тот сидит с братом Дмитрием и ещё двумя, кого государь не узнаёт сразу. Они говорят. Голосов не слышно, но жесты понятны: Шуйский успокаивает, убеждает, что-то чертит пальцем по сто-

лу. Заговор.

«Откуда?..» — начинает Борис Фёдорович.

«Это не колдовство, — говорит Хранитель. — Это знание. Я знаю, что они делают, потому что знаю, кто они. Я знаю их страхи — а страх сильнее жадности. Я знаю, что Василий Шуйский боится не тебя. Он боится самозванца больше, чем тебя. Ибо ты — царь законный, венчанный на царство, избранный Собором. А самозванец — ничто. Если самозванец победит, Шуйский потеряет всё. Если победишь ты — он потеряет только влияние. А влияние можно вернуть».

Государь долго молчит. Потом говорит:

«Ты хочешь, чтобы я их не трогал?»

«Я хочу, чтобы ты их использовал, — отвечает Хранитель. — Не казни, не ссылай, не унижай. Дай им то, что они хотят, — видимость силы. Пусть Шуйский ведёт передовой полк против самозванца. Пусть Романовы отвечают за снабжение. Привяжи их к себе кровью — нет, не палача, а общей войны. Тогда им будет невыгодно твоё падение — ибо с твоим падением падут и они».

«А если откажутся?»

«Не откажутся. Они уже знают — каждый из них знает — что я знаю о них всё. И каждый думает, что остальные преданы тебе. Это зеркальный коридор, Борис Фёдорович. Они видят только отражения друг друга и боятся теней. А теней я им покажу достаточно».

Борис Фёдорович смотрит на стену. Изображение исчезло. Остался только свет свечи, дрожащий на бревенчатой кладке.

«Кто ты?» — спрашивает он в третий раз за эти месяцы.

И в третий раз Хранитель Пределов отвечает:

«Тот, кто стоит на границе. Не переступая».

VIII. Кампания 1601 года: контур

Летом 1601 года самозванец пересёк границу.

Дальнейшее Ваше Высокопревосходительство знает. Но знает, смею предположить, в той вычищенной, причёсанной версии, которую преподают в общих школах. Позвольте изложить — кратко — ту версию, которая содержится в архивах нашего Корпуса.

Годунов не стал дожидаться, пока противник углубится в русские земли. Он выдвинул войска к западной границе — сорок тысяч человек при шестидесяти пушках, сила по тем временам огромная. Командование было устроено невиданным прежде образом: во главе армии стоял не один воевода, а совет из пяти человек. Князь Василий Шуйский командовал передовым полком. Фёдор Романов (будущий патриарх Филарет в отрицательном мемориале, здесь — просто воевода) отвечал за снабжение. Богдан Бельский вёл артиллерию. Иван Черкасский — конницу. И, наконец, сам государь Борис Фёдорович осуществлял общее командование из ставки в Вязьме.

Эта структура была гениальна именно своей кажущейся нелепостью. Каждый из бояр-воевод был потенциальным заговорщиком. Каждый ненавидел остальных. Но каждый — и в этом была суть стратегемы — был привязан к Годунову своей ролью в этой войне. Предать государя означало предать армию — и попасть в руки трёх других воевод, которые этой изменой немедленно воспользуются для собственного возвышения. Так равновесие взаимного недоверия оказалось прочнее любой присяги.

Самозванец был разбит в трёх сражениях: под Черниговом, под Новгородом-Северским и, наконец, под Староду-

бом, где его войско было полностью уничтожено. Сам он бежал в Польшу, но был схвачен людьми Мнишека, которые к тому времени получили от Годунова предложение — через подставных лиц, — от которого не смогли отказаться. Самозванца выдали. Его привезли в Москву в железной клетке и казнили на Лобном месте в январе 1602 года.

Война, которая могла длиться годы и стоить миллионов жизней, закончилась за шесть месяцев.

IX. Интерлюдия: темпоральная аномалия (закрытый доклад Института времени, 1993 год)

Фрагмент рассекречен в 2023 году. Автор — академик А.В. Несвицкий.

«...парадокс, который мы не можем разрешить уже третье столетие. Согласно всем нашим моделям, вмешательство Хранителя Пределов в 1600 году должно было породить темпоральную рябь — расходящиеся круги изменений, которые к нашему времени сделали бы мир неузнаваемым. Однако мы живём в мире, который — за исключением евразийской конфигурации — поразительно близок к миру отрицательного мемориала.

Возможные объяснения:

Первое. Изменения, внесённые Хранителем, были минимально необходимыми. Он не перекраивал историю — он подтолкнул её в нужную точку. Эффект бабочки не сработал, потому что бабочка взмахнула крыльями в точно рассчитанный момент.

Второе. Хранитель Пределов — не единичная фигура, а институт. Возможно, его вмешательство 1600 года было не первым и не последним. Возможно, существуют другие вмешательства, о которых мы не знаем, и их совокупный эффект образует своего рода «коридор стабильности», внутри которого история течёт по заданному руслу. Если так, то Хранитель Пределов — не человек, а функция. И носителей этой функции может быть несколько — возможно, они сменяют друг друга на протяжении столетий.

Третье — и это самое тревожное объяснение. Возможно, наш мир — не единственный. Возможно, отрицательный мемориал тоже реализовался, в параллельной темпоральной ветви. И возможно, контакт между ветвями — через таких агентов, как Хранитель, — является не случайностью, а управляемым процессом. Если так, тогда геостратегия — не наука, а инженерия. Мы не предсказываем будущее. Мы выбираем, какое из возможных будущих наступит».

Х. После победы: странное десятилетие

1602-1612 годы — десятилетие, которое в школьных учебниках называется «Золотым затишьем». Формулировка убаюкивающая и обманчивая, как всякая формулировка, одобренная министерством просвещения.

Никакого затишья не было. Была — работа. Тяжёлая, кропотливая, невидимая постороннему глазу работа по пересборке государства.

Годунов, опираясь на советы Хранителя Пределов, провёл серию реформ, которые иначе как предвосхищением не назовёшь. Крепостное право было не отменено — до этого оставалось ещё два столетия, — но заморожено на пять лет: запрещены новые закрепощения, облегчены условия выхода в Юрьев день. В южные степи, освободившиеся после разгрома крымских отрядов, хлынул поток вольных переселенцев — не крепостных, а лично свободных землепашцев, плативших налог напрямую в казну, минуя помещиков. Так возник класс, которого не было в отрицательном мемориале: свободное крестьянство юга.

Посольский приказ был преобразован в постоянно дей-

ствующее ведомство с аналитическим отделом — прообраз нашего Стратегического корпуса. Началось систематическое изучение европейских наук: первые русские студенты отправились в Лейден, Падую, Оксфорд. Не десятки — сотни. На казённый счёт.

Промышленность: в Туле заложены оружейные заводы по голландскому образцу. В Ярославле — мануфактуры тонкого полотна. В Архангельске расширен порт для приёма английских и голландских кораблей.

Всё это делалось тихо, без шума, без манифестов и прокламаций. Годунов не нуждался в народной любви — он нуждался в народной силе. И народ, избавленный от войны, от голода (урожаи 1602-1603 годов оказались богатыми), от боярских междоусобиц, отвечал ему не любовью — но работой. Страна росла вглубь, а не вширь.

Хранитель Пределов всё это время находился рядом с государем — но держался в тени. Он редко появлялся на людях. Его советы передавались через Афанасия Власьева или лично, в ночных беседах. Сохранилась запись английского посла: «Царь имеет при себе тайного советника, которого никто не видит, но чью волю исполняют все. Это не человек, ибо он не ест и не спит, а лишь говорит — и слова его становятся делами».

Англичанин преувеличивал. Но не сильно.

XI. Видение второе: предел

Апрель 1605 года. Поздняя ночь. Москва. Кремль.

Борис Фёдорович знает, что умирает.

Врачи — и свои, и выписанный из Англии Роберт Якоби — говорят одно и то же: апоплексия, удар, кровь ударила в голову. Прописывают пиявок, холодные примочки, молитвы. Государь слушает их рассеянno. Он знает: не в крови дело.

Он лежит в постели — огромной, под балдахином с двуглавым орлом. В углу покоев теплится лампада перед образами. За окном — апрельская сырость, тающий снег, крики ночной стражи. Ему пятьдесят три года. Он правил семь лет — недолго по меркам династий, но достаточно, чтобы изменить ход истории.

Хранитель Пределов сидит у изголовья. Он не изменился за эти годы — всё то же непонятное лицо без возраста, всё те же светлые глаза, всё та же ткань без швов.

«Ты умрёшь этой ночью, Борис Фёдорович», — говорит он. Без жалости, без скорби — констатация факта.

Государь хочет ответить резкостью — привык за семь лет к резким ответам, — но сил нет. Он только смотрит.

«Ты сделал то, что должен был сделать, — продолжает Хранитель. — Сын твой Фёдор готов принять престол. Я останусь при нём — сколько потребуется. Династия Годуновых не прервётся в этом веке. Россия не упадёт в Смуту. А ты...»

Он замолкает. Молчание длится долго.

«Что — я?» — хрипит государь.

«Ты станешь точкой на карте, — говорит Хранитель. — Не царём, не героем, не отцом отечества. Ты станешь координатой, в которой история изменила русло. Твоя награда — не слава. Твоя награда — то, что через четыреста лет люди будут жить в мире, который ты построил, даже не зная твоего имени. Достаточно ли тебе этого?»

Борис Фёдорович закрывает глаза. За окном — шум ветра, капель, голоса стрельцов. Он думает о сыне. О Фёдоре, которому сейчас шестнадцать — столько же, сколько было

царевичу Димитрию в час его смерти. О карте Российского государства, которую Фёдор начертил собственноручно. О том, что мальчик умён не по годам, но мягок, слишком мягок для трона. О том, что Хранитель обещал остаться.

«Достаточно», — говорит он.

И умирает.

ХII. Эпилог к исторической части

Дальнейшее изложу тезисно — Ваше Высокопревосходительство familiar с этими фактами не хуже меня.

Фёдор II Борисович Годунов правил двадцать шесть лет — до 1631 года. Его правление называют «Тихим веком»: время без больших войн, с постепенным экономическим ростом, с расширением на восток — но не военным, а промысловым. Россия не стала империей в европейском смысле — она стала чем-то иным, чему у нас до сих пор нет точного названия. Пан-региональная держава, континентальный союз, федерация земель — все эти термины приблизительны.

Хранитель Пределов исчез из документов после смерти Фёдора II — так же внезапно, как появился. Но институт, им созданный, сохранился. Тайный совет при государе —

впоследствии преобразованный в Геостратегический департамент, затем в Стратегический корпус, затем в Антикризисный штаб Евразийского Союза — продолжал работу. Непрерывно. Четыреста двадцать шесть лет.

И теперь мы подошли к точке, в которой вся конструкция может рухнуть.

ХIII. Аналитическая часть: текущий кризис

Следующий раздел содержит оперативные данные. Доступ — только для лиц с уровнем «Ноль».

Вероятность распада — шестьдесят семь процентов. Эта цифра получена нашим аналитическим отделом и перепроверена дважды.

Факторы риска:

1. Демографическая яма в центральном субрегионе. Поколение, рождённое в 1990-е, вступает в возраст минимальной экономической активности. Соотношение работающих к иждивенцам падает ниже критического порога 2:1.

2. Технологическое отставание от Атлантического блока. Разрыв в микроэлектронике составляет два поколения,

в биотехнологиях — полтора, в квантовых вычислениях — одно, но быстро растёт.

3. Внешнее давление по южному периметру. Три горячих конфликта, семь замороженных. Стратегическое распыление сил.

4. Элитный кризис. Управленческий класс фрагментирован. Отсутствует консенсус по стратегическим целям. Группы интересов действуют разнонаправленно.

5. И — главное. Хранитель Пределов не выходит на связь. Последний сеанс — 7 июля 2024 года. Продолжительность — 14 секунд. Содержание не расшифровываемо-фрагментированное, предположительно: «Предел сдвинут... готовьтесь... я...». Далее — тишина.

XIV. Рекомендация

Ваше Высокопревосходительство,

Протокол «Годунов-ноль» предполагает в случае потери связи с Хранителем инициацию процедуры самостоятельно-го поиска точки бифуркации. Мы не можем ждать указаний извне — мы должны действовать сами, как действовал Годунов в 1600 году, когда понял, что никто не придёт на по-

МОЩЬ.

Я запрашиваю санкцию на созыв Чрезвычайного геостратегического консилиума. Состав — семь человек с уровнем доступа «Ноль». Повестка: поиск и идентификация текущей точки бифуркации. Срок: декабрь 2026 года.

Стратегия сжатия, четыреста двадцать шесть лет назад спасшая государство, возможно, потребуется нам снова. Но в новых формах. Территориальное сжатие в XXI веке невозможно — информационная проницаемость границ делает его бессмысленным. Вместо этого — сжатие концептуальное. Отказ от необеспеченных обязательств. Концентрация на ядерных направлениях. Пересборка элит по образцу Годунова — через связывание их судьбы с судьбой государства.

И — поиск Хранителя. Если он существует. Если он вообще был.

Ибо должен признаться: после тридцати лет в Корпусе я не знаю ответа на этот вопрос. Был ли Хранитель Пределов реальной фигурой? Или он — миф, прикрывающий гениальность самого Годунова? Или — что самое тревожное — он есть проекция нашего собственного стратегического мышления, нашего желания переложить ответственность на того, кто «знает лучше»?

Ответа нет. Но есть работа, которую необходимо сделать.

Остаюсь Вашего Высокопревосходительства всепреданнейший слуга,

М.М. Шаховской

14 ноября 2026 года, 05:42. Москва. Антикризисный штаб.

Приложение: карта точек бифуркации (1600-2026), 14 листов. Гриф «Ноль».

Приложение: расшифровка последнего сеанса связи с Хранителем Пределов (07.07.2024), 3 листа. Гриф «Ноль».

Приложение: проект повестки Чрезвычайного консилиума, 2 листа. Гриф «Ноль».

Глава 2. Тайный совет

Октябрь 1600 года. Кремль. Грановитая палата. Второй час ночи.

Свеча догорала. Не оплывала — ровно, по-немецки горе-

ла, воск был дорогой, из Риги через Архангельск доставленный. Государь Борис Фёдорович не терпел чада.

За столом сидели четверо — и каждый знал, что этого собрания не существует. Летописцы не упомянут. Разрядные книги не зафиксируют. Через четыреста лет архивная служба Стратегического корпуса потратит тридцать семь человеко-лет на реконструкцию этой ночи по косвенным данным — и восстановит, возможно, две трети сказанного. Не больше.

Итак, четверо.

Сам государь Борис Фёдорович, сорока восьми лет, пятый год на престоле. Лицо широкое, скуластое, глаза карие, быстрые — глаза человека, привыкшего читать людей быстрее, чем книги. Одет по-домашнему, в ферязь тёмно-вишнёвого бархата без шитья, — не для приёмов одежда, для дела. Перстень с печаткой на указательном пальце правой руки — знак, что бумаги предстоит подписывать. Государь не сомневался: этой ночью будут решения.

Афанасий Иванович Власьев, думный дьяк, глава Посольского приказа. Пятьдесят два года, лысоват, борода с проседью. Лучший дипломат державы, человек, говоривший на пяти языках и думавший — ни на одном из них. Именно он

вёл переговоры с Сигизмундом, именно он подписывал перемирие со шведами, именно он знал цену каждому иноземному послу — в золоте, в соболях, в информации. Сейчас сидел бледный, пальцы подрагивали — не от страха, от напряжения. Власьев понимал масштаб происходящего лучше всех присутствующих, кроме разве что самого Ионы.

Думный дьяк Иван Тимофеев — сорок лет, сухощав, чернобород, с burning-взглядом фанатика, но фанатика особого толка: фанатика государственного порядка. Автор неоконченного «Временника» — летописи, которую он вёл тайно, короткими урывками, пряча рукопись в тайнике Чудова монастыря. Он единственный из присутствующих думал о том, как эта ночь будет выглядеть через столетия, — и эта мысль одновременно ужасала и возбуждала его.

И наконец — он. Человек, которого в официальных бумагах не существовало. Его не было в Разрядном приказе, не было в списках думных чинов, не было ни в одной росписи придворных. Если бы кто-то спросил: кто этот четвёртый? — ответа бы не получил. Максимум — «пришлый человек, государем допущенный в Верх». И всё.

Звали его Иона. В миру — Иона Матвеев сын Неупокоев, хотя фамилию он не употреблял. Бывший монах Чудова монастыря, принявший постриг в двадцать лет и сбежавший

из обители через семь — не выдержал уставной скуки. Бывший толмач при дворе королевы Елизаветы Английской — три года в Лондоне, где он вращался в кругу людей, знавших доктора Джона Ди лично. Бывший — как глухо поговаривали — ученик самого Ди, великого астролога и математика, человека, стоявшего одной ногой в алхимии, другой — в разведке Её Величества. Правда ли это? Неизвестно. Но Иона знал вещи, которых не знал никто при московском дворе. Например, он в уме извлекал квадратные корни. Мог начертить карту звёздного неба для любого дня года. Мог прочитывать письмо по-латыни и составить ответ на трёх языках. И — главное — видел связи там, где другие видели лишь хаос.

Геостратегия тогда не имела названия. Но Иона занимался именно ею.

I. Предыстория Ионы: фрагмент

Из рассекреченного дела «Иона» — архив Стратегического корпуса, фонд 1600, опись 1, единица хранения 4. Комментарий: документ реконструирован по обрывочным записям Тимофеева. Степень достоверности — 60%.

...Родился в 1562 году, в Ярославле, в семье купца средней руки. Отец торговал кожами и салом — небогато, но достаточно, чтобы нанять сыну учителя грамоты. Мальчик ока-

зался способным: к десяти годам читал Псалтырь и Часослов, к двенадцати — одолел «Хронику» Мартина Бельского в польском переводе, к четырнадцати — знал латынь настолько, чтобы переписываться с ливонскими купцами.

В 1580 году отец разорился — неудачная сделка с персидским шёлком, — и семнадцатилетнего Иону отдали в Чудов монастырь, чтобы не кормить лишний рот. Там он провёл семь лет. Там же впервые столкнулся с книгами, изменившими его жизнь: «О граде Божием» Августина в латинском подлиннике, «Политика» Аристотеля в греческом, трактаты по астрономии, астрологии, математике — всё, что монастырская библиотека хранила веками, никем не востребованное.

В 1587 году бежал. Как именно — неизвестно. Возможно, пристал к английским купцам Московской компании, чьё подворье располагалось неподалёку от Кремля. Так или иначе, к 1588 году мы находим его в Лондоне, в свите посла Елизаветы, в качестве переводчика с русского и польского.

Лондонский период — ключевой. Здесь Иона познакомился с Джоном Ди — математиком, астрологом, алхимиком и, вероятно, главой елизаветинской разведки (Ди подписывал донесения королеве кодом 007 — за триста лет до Яна Флеминга). Ди учил Иону не астрологии. Ди учил его теории информации — за четыреста лет до того, как Клод Шеннон

сформулирует её математически. Ди учил: «Власть — это не меч и не золото. Власть — это знание о том, чего не знает противник. Всё остальное — прикладные инструменты».

В 1591 году Иона вернулся в Москву. Почему — опять неизвестно. Возможно, тоска по родине. Возможно — задание Ди, который интересовался восточными делами. Возможно — понял, что в Лондоне он всегда будет чужим, а в Москве может стать незаменимым.

Десять лет он прожил незаметно: переводил, консультировал купцов, писал какие-то бумаги для Посольского приказа. Пока в сентябре 1600 года Афанасий Власьев, знавший Иону ещё по лондонским делам, не привёл его в Кремль. Власьев сказал государю: «Этот человек видит будущее. Не предсказывает — видит. Как математик видит решение уравнения до того, как оно записано».

Годунов не поверил. Но велел привести.

II. Начало совета

— Говори, — произнёс Годунов. Голос его был сух, как пепел. — Только без твоих иносказаний. Без притч. Без звёздных знамений и библейских parallels. Прямо.

Иона выдержал паузу. Ему было тридцать восемь лет — возраст зрелости, но не старости. Лицо узкое, скуластое, глаза серые, слишком светлые для русского человека — память о каком-то северном предке, то ли новгородском, то ли вяржском. Борода короткая, по-английски подстриженная — московские бояре таких не носили. Одет небогато, но чисто: кафтан тёмно-синего сукна, без вышивки, без пуговиц — почти монашеская простота, но ткань аглицкая, дорогая.

— Прямо так прямо, — сказал он. И положил на стол карту.

Это была не карта земель — такую любой подьячий нарисует, Радищевский печатный двор уже выпускал подобные. Это была карта стратегических интересов. Такого в Москве не видел никто.

Кругами разного размера были обозначены державы: Речь Посполитая, Швеция, Османская Порта, Священная Римская империя, Персия, Англия. Но не границы были главным — главным были стрелки. Красные стрелки — потоки серебра (из Америки через Испанию в Европу, через Архангельск в Москву). Синие — потоки хлеба (польская пшеница через Гданьск в Голландию). Зелёные — потоки пушнины (из Сибири через Москву в Париж, в Вену, в Стамбул). Чёрные стрелки — потоки наёмников, швейцарцев и нем-

цев, которых вербовали все, у кого было золото.

И ещё — пунктирные линии. Иона назвал их «линиями информации». Они шли от Кракова к Риму, от Стокгольма к Амстердаму, от Бахчисарая к Стамбулу — и все сходились на Москве.

— Это то, что происходит сейчас, — сказал Иона. — А теперь смотри, что будет.

Он развернул второй лист — прозрачный, из какого-то материала, которого в Москве не знали. Наложил поверх первого. Стрелки изменились. Красные исчезли с московского направления. Чёрные сгустились у западной границы. Синие порвались. Пунктирные линии потемнели, утолщались, превратились в сплошные — и все вели в Кремль.

— Через пять лет, — произнёс Иона ровно и буднично, словно говорил о ценах на рожь, — тебя не будет, Борис Фёдорович. И сына твоего не будет. И всё, что ты построил за семь лет — а построил ты немало, я знаю, — рассыплется в прах.

Власьев побледнел. Тимофеев перекрестился мелко, суетливо — как крестятся не от молитвы, а от испуга. Годунов не шелохнулся.

— Через шесть лет, — продолжал Иона, — поляки будут стоять в Кремле. Шведы возьмут Новгород и Псков. Татары дойдут до Казани — а может, и до Нижнего. Через пятнадцать лет от державы останется обглоданный остов. Потом, конечно, соберут — найдутся люди, всегда находятся. Соберут, но уже по-другому. С новой династией. С новым общественным договором, который будет хуже нынешнего — крепостное право утвердят навечно, без права выхода. И род Годуновых исчезнет со страниц истории, будто его и не было.

Тишина. Свеча потрескивала — единственный звук в палате.

— Ты говоришь «если», — сказал Годунов. Голос его не дрогнул. — Значит, есть и другое «если».

— Есть, — кивнул Иона. Он ждал этого вопроса. — Ты удержишься. Династия устоит. Россия не упадёт в Смуту. Но для этого нужно сделать три вещи — и все три противоречат тому, чему тебя учили, Борис Фёдорович.

— Я слушаю.

III. Стратегема первая: второй этаж

— Первое, — сказал Иона, — ты не будешь бороться с боярами. Не травить, не ссылатъ, не казнить. Ты построишь новый этаж власти — над ними.

Годунов прищурился:

— Поясни.

— Бояре ждут репрессий. Романовы ждут опалы. Шуйские копят сторонников — на всякий случай, «для защиты от государева гнева». Это их игра, Борис Фёдорович: чем сильнее ты давишь на них, тем быстрее они забывают взаимную вражду и сплываются против тебя. Ты давишь — они объединяются. Ты милуешь — они наглеют. Знакомая ловушка?

Государь молчал. Ловушка была знакома до отвращения. Именно в ней он провёл все пять лет своего царствования — между Сциллой репрессий и Харибдой милости.

— Решение простое, — продолжал Иона. — Не играй в их игру. Откажись от боярской думы как от центра принятия решений. Вместо неё создай параллельную вертикаль — дьячью. Твои люди из приказов. Они не родовиты, у них нет земель и политических амбиций, они обязаны карьерой лично тебе. Пусть реальные решения принимают дьяки, а бояре

останутся при титулах, при почёте, при кормлениях — но не при власти.

Власьев кашлянул — осторожно, как человек, которому есть что сказать, но который не хочет перебивать.

— Афанасий Иванович? — Годунов повернулся к нему.

— Это... исполнимо, государь, — медленно произнёс Власьев. — Приказная система уже сейчас сильнее Боярской думы. Мы просто не называем это вслух. Но если закрепить — да, дьяки станут реальной властью. Однако бояре поймут. И взбунтуются.

— Не взбунтуются, — сказал Иона. — Потому что каждому из них ты предложишь то, что он хочет. Шуйскому — командование войсками. Романову — управление казной. Бельскому — заведование иноземными делами. Каждый получит пост и будет думать, что остальные потеряли. А реальные нити останутся у дьяков. Это называется «горизонтальный баланс против вертикальной угрозы». Бояре будут грызться между собой за влияние — и не заметят, что само влияние утекло в другое место.

Годунов молчал долго. Потом произнёс — не вопрос, утверждение:

— Ты хочешь, чтобы я создал систему, в которой никто не понимает, кто на самом деле правит.

— Именно, — сказал Иона. — Самая устойчивая система — та, где центр тяжести не виден.

IV. Стратегема вторая: земля и воля

— Теперь второе, — Иона перешёл к следующему листу. — Ты не будешь кормить голодных из казны. Ты дашь им землю и волю. И они прокормятся сами.

Власьев и Тимофеев переглянулись. Это было уже не просто радикально — это пахло ересью. Крестьянин, владеющий землёй? Не крепостной? Не обельный холоп? Не кабальный должник? Это противоречило всему укладу.

— Ты предлагаешь мне раздать крестьянам землю, — медленно произнёс Годунов. — Против чего восстанут все владельцы вотчин и поместий. Все. Даже те, кто сейчас меня поддерживает.

— Не раздать. Продать. В рассрочку на двадцать лет. Крестьянин получает надел, платит в казну два десятка лет — и становится вольным хлебопашцем. Не дворянином. Не по-

мещиком. Собственником. Лично свободным. С правом передать землю по наследству.

— Это... — начал Тимофеев и осёкся.

— Это революция, — закончил за него Иона, не смущаясь. — Но революция сверху. Контролируемая. И вот почему она срывается.

Он развернул третий лист. На нём были колонки цифр — расчёты.

— Сейчас у тебя, Борис Фёдорович, два источника войска: поместное ополчение и стрельцы. Поместное ополчение ненадёжно — дворяне служат спустя рукава, уклоняются, бегут со службы. Стрельцы стоят денег — денег, которых в казне нет. В случае войны ты остаёшься без армии. А теперь представь: через поколение у тебя сто тысяч вольных хлебопашцев, каждый из которых обязан государству землёй. Каждый вооружён — потому что на фронтире без оружия не живут. Каждый мотивирован защищать свою землю — потому что это его земля. Это не армия. Это народ-войско.

— А бояре? — спросил Власьев. — Они потеряют крестьян. На чём будут сидеть их поместья?

— На наёмном труде, — ответил Иона. — Дворяне получают право нанимать вольных — как в Англии или в Голландии. Земля останется у них, но обрабатывать её будут свободные люди за плату. Это дороже, чем крепостной труд? Да. Но эффективнее. Крепостной работает из-под палки и ворует. Свободный работает за деньги и производит вдвое больше. Через десять лет помещики будут богаче, чем сейчас, — потому что урожайность вырастет. Они просто этого пока не понимают.

Годунов потёр переносицу — привычный жест, означавший напряжённую работу мысли.

— Допустим. Но крестьяне — они же не умеют хозяйствовать без барина. Кто научит?

— Казна, — отрезал Иона. — Создай землеустроительные комиссии. Пусть подьячие едут по уездам и объясняют: вот межа, вот надел, вот рассрочка. Это скучно, не героичное, никто не сложит былинку о землеустроителе. Но через поколение ты получишь лояльное сословие. А через два поколения — опору трона, которой не будет ни у одного европейского государя.

— А церковь? — спросил Тимофеев. — Как патриарх Иов отнесётся к освобождению крестьян?

Иона усмехнулся — в первый раз за вечер.

— Иов — человек Бориса Фёдоровича. Он поставил его патриархом, когда ещё был правителем при Фёдоре Ивановиче. Иов благословит всё, что благословит государь. А если заупрямится — напomini ему, кто платит за патриаршие палаты.

V. Стратегема третья: информационная война (опережение)

— Теперь третье, — сказал Иона. И это третье было самым опасным.

Он достал из рукава свиток. Развернул его. Это был список — убористым почерком, на многих листах. Десятки имён. Города. Даты. Суммы. Маршруты.

— Самозванец, — произнёс он. — Человек, называющий себя царевичем Дмитрием Ивановичем, чудесно спасшимся от убийц в Угличе. Сейчас он в Речи Посполитой. Остановился во дворце князя Адама Вишневецкого. Его уже посетил папский нунций Рангони — иезуиты чуют добычу. Юрий Мнишек, воевода сандомирский, обещал ему руку своей дочери Марины. Шляхта стекается под его знамёна. К весне у

него будет три, может быть, четыре тысячи сабель.

Тишина стала глубже. Все знали о самозванце. Но никто не знал таких подробностей.

— Откуда это? — спросил Годунов.

— Агенты, — коротко ответил Иона. — Я создавал эту сеть два года. Готовился.

— Ты знал? — В голосе государя впервые мелькнуло что-то похожее на гнев. — Знал и не доложил?

— Знал — и ждал подходящего момента, — спокойно ответил Иона. — Ты не стал бы слушать меня год назад, Борис Фёдорович. Ты слушаешь сейчас, потому что чувствуешь: земля горит под ногами. И ты прав.

Годунов не ответил. Иона продолжал:

— Если самозванец перейдёт границу с польскими отрядами — начнётся гражданская война. Северские города откроют ему ворота. Казаки примкнут. Недовольное боярство будет тайно помогать. Остановить его военной силой можно — но трудно. Потери будут огромны. И даже если ты разобьёшь его — осадок останется. Слух о «законном царе» уже

пополз. Слухи не убивают мечом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.